

Глава 3

Маленький дурачок

Чу Ван слово в слово повторил Дай Чигуаню всё, что посоветовал ему Господин Журавль.

Вопреки ожиданиям юноши, лицо чиновника мгновенно исказилось. В его взгляде читалась отнюдь не радость, а подлинное потрясение.

— За-залог... любви?.. — запинаясь, переспросил он.

Чу Ван, которому казалось, что он и впрямь начал понемногу уметь, всё больше убеждался: Господин Журавль подал ему блестящую идею. Юноша согласно закивал:

— Ну конечно! В книжных лавках только об этом и твердят: люди, чьи сердца бьются в унисон, всегда обмениваются залогами верности. Чигуань, я отдаю тебе эту подвеску, но и ты должен дать мне в ответ какую-нибудь вещицу, что была тебе дорога.

От подобных слов, сказанных столь прямо, даже у взрослого мужа краска бросилась бы в лицо. Но Чу Ван, лишённый ложного стыда, лишь бесхитростно выражал то, что таилось в самой глубине его сердца.

Однако Дай Чигуань вовсе не выглядел счастливым. Напротив, лицо его окаменело, и лишь спустя долгое время он смог выдать:

— Маленький цзюньван, неужели вы... что-то не так поняли?

Чу Ван невинно захлопал глазами, глядя на гостя с искренним непониманием:

— Я не совсем улавливаю твою мысль.

Чэн Янь, с упоением наблюдавший за разыгрывающейся сценой, пришёл к выводу: будь у него сейчас тело, он бы непременно развалился в кресле, закинув ногу на ногу и лениво посасывая травинку.

«Что тут непонятного? — насмешливо бросил дух. — Твой драгоценный господин Дай вовсе не горит желанием обмениваться с тобой какими-то залогами»

Дай Чигуань видел, как лицо принца медленно бледнеет, становясь серым, словно пепел.

Чиновник поспешно заговорил:

— Цзюньван, вероятно, вы не знаете, но за-залог любви... их дарят только тем, кого искренне любят... К тому же... к тому же...

Чу Ван пристально смотрел на собеседника. Ему хотелось воскликнуть: «Но ведь именно поэтому я и предложил тебе обмен!», однако, встретившись с мужчиной взглядом, он вдруг почувствовал, как всё желание продолжать этот разговор бесследно исчезает.

— Я понял. Чигуань... Я что-то устал.

— Тогда цзюньвану стоит поскорее лечь в постель! — Дай Чигуань ухватился за эти слова как за спасительную соломинку.

Поспешно поклонившись, он почти бегом бросился прочь из поместья, не смея более и заикаться о нефрите.

Чу Ван снял с пояса подвеску и поднял её перед собой, любуясь игрой света. Под лучами солнца камень переливался дивными искрами, и даже несведущему человеку было ясно: эта вещь не из мира смертных.

«Осторожнее! — воскликнул Чэн Янь. — Не вздумай меня уронить!»

Чу Ван рассмеялся, и тень печали мгновенно сошла с его лица.

— Господин Журавль, давай продолжим историю!

Чэн Янь, помедлив, осторожно спросил:

«Тебе... совсем не больно?»

Юноша был простодушен, но не глуп: явное нежелание Дай Чигуаня связывать себя обязательствами было слишком очевидным, чтобы его не заметить.

Услышав вопрос, принц замер и невольно надул губы.

— Больно! Вот почему я хочу сегодня съесть лишний кусочек пирожного с цветами груши. Если не съем сейчас, то после конца весны их уже не найти!

Чэн Янь только и смог, что мысленно выругаться.

«...»

«Проклятье, да что этот дурачок вообще смыслит в любви?»

— Мне и впрямь очень грустно, — добавил Чу Ван. — Но после того как матушка ушла... некому стало утирать мои слёзы. Вот я и решил больше не плакать.

Чэн Янь замолчал.

Когда он только прибыл в этот мир, он изучил всю жизнь своего подопечного. Он знал, что Чу Вана опоили ядом, когда тот был ещё в колыбели, но именно это безумие спасло ему жизнь в кровавой борьбе за трон. Мать оберегала его до десяти лет, пока её саму не сразил тяжкий недуг.

Нынешний император, хоть и приходился Чу Вану братом, держал его при себе скорее из жалости, и во всём мире не осталось никого, кто по-настоящему заботился бы о бедном дурачке.

Чэн Янь решил сменить тему:

«По крайней мере, этот человек не забрал у тебя подвеску. Это уже повод для радости»

Маленький цзюньван, будучи существом простым, мгновенно переключился на новую мысль:

— Верно! Господин Журавль, значит ли это, что у меня всё ещё есть шанс стать умным?

«Конечно есть»

Чэн Яню казалось, что этот «глупый» принц уже начал меняться. Возможно, в отличие от прочих людей, он просто сохранил в себе детскую искренность и чистоту. Его разум пробуждался медленно, но он вовсе не был безнадёжен.

Стоит только найти способ очистить кровь Чу Вана от остатков яда, и это задание может оказаться куда успешнее всех предыдущих.

— Раньше я хотел стать умным только ради Чигуаня, — признался юноша. — Думал, что тогда смогу защитить его и всегда быть рядом. Но теперь... слушай, Господин Журавль, твои истории куда интереснее прогулок с ним! К тому же он меня отверг... Больше не хочу быть с ним. Господин Журавль, я хочу быть с тобой!

Застигнутый врасплох Чэн Янь поперхнулся:

«...Кхм-кхм!»

Чу Ван не сводил с подвески своего лучистого, преданного взгляда. Чэн Янь чувствовал, что обманывать столь чистую душу — само по себе преступление.

Впрочем, вряд ли в голове дурачка укладывался истинный смысл слов о любви между мужчиной и женщиной.

«Впредь не бросайся такими словами направо и налево», — беспомощно отозвался дух.

— Это вовсе не «направо и налево»! — возмутился Чу Ван. — Я целых семь дней думал, прежде чем решил, что Чигуань мне больше не мил. Теперь я больше всех на свете люблю Господина Журавля!

«Как скажешь, — вздохнул Чэн Янь. — Пусть будет так»

В изначальных записях судьба Чу Вана была незавидной. Он совершил немало глупостей ради Дай Чигуаня, который использовал его скудоумие в своих целях. Вся дурная слава доставалась принцу, пока тот радостно помогал своему погубителю.

Но чиновник вовсе не желал становиться супругом цзюньвана, смертельно опасаясь, что однажды император своим указом свяжет их судьбы.

Сблизившись с любимым сыном государя, он подставил Чу Вана, обвинив его в заговоре. Император, давно мечтавший сокрушить влияние клана покойной наложницы, охотно поверил в навет. Едва принцу исполнилось двадцать лет, ему поднесли чашу с ядом.

Вся жизнь этого юноши была лишь чередой бед, порождённых чужой алчностью. Быть может, его безумие было единственным щитом, дарованным судьбой, но он лишился и этого малого шанса.

Чу Ван был самым несчастным из всех подопечных, встреченных Чэн Янем. До самого последнего вздоха он так и не понял, что с ним произошло, и даже если бы захотел возненавидеть кого-то, вряд ли сумел бы отыскать виновного.

К счастью, чувства дурачка были переменчивы. Похоже, привязанность Чу Вана к Дай Чигуаню ещё не успела пустить глубокие корни — он любил его скорее как товарища по играм.

Теперь, когда этот человек отдалился, оставалось лишь придумать, как спасти принца от грядущего обвинения в измене.

Весна пролетела незаметно. Чу Ван так и не успел выторговать себе побольше пирожных с грушевым цветом, как в столицу неспешной поступью вошло лето.

В день начала сезона Лися супруга генерала Динго устроила в своём поместье пышный приём по случаю цветения лотосов. Притчи подходили к концу, и пришло время подумать, как легально передать Чу Вану лекарство. Чэн Янь решил не держать юношу взаперти и позволил ему отправиться в гости. В планах духа было заставить принца купить себе нового слугу, а затем объявить, будто в семье того бедняка из поколения в поколение передавался тайный рецепт исцеления. Всё равно в столице никто не верил в выздоровление цзюньвана, так что любую попытку сочли бы жестом отчаяния — и подозрений бы не возникло.

Подобные приёмы обычно устраивались лишь с одной целью: дать молодым людям из знатных семей присмотреться друг к другу. Погода стояла чудесная, и юные девы в своих ярких нарядах, стараясь затмить друг друга, казались прекраснее самих лотосов.

Чу Ван, разумеется, не спешил в женскую часть сада.

Поглаживая нефритовую подвеску, он вполголоса беседовал с Чэн Янем:

— Господин Журавль! Гляди! В пруду рыба!

«Что в ней такого диковинного? — отозвался дух. — У тебя в поместье рыб не меньше»

— Я слышал, в генеральском доме разводят рыбу, которую можно есть. Как бы мне хотелось закинуть удочку! Вечером у нас был бы отличный ужин!

Чэн Янь промолчал.

«...»

«Неужели это всё, о чём может думать гость на торжественном приёме?»

— Кстати, Господин Журавль, ты ведь наверняка любишь рыбу? — продолжал Чу Ван. — Какая жалость, что в день поминовения я совсем забыл об этом... Нужно было поднести тебе парочку жирных, сочных окуней. Скажи, какая рыба твоя самая любимая?

У Чэн Яня едва не разболелась голова. С трудом сдерживая раздражение, он выдал:

«Я не ем рыбу»

Чу Ван изумился:

— Но если журавль не ест рыбу, то что же он ест?

Чэн Янь, который уже и забыл вкус пищи, проскрежетал:

«Я вообще ничего не ем!»

На Чу Вана снизошло озарение:

— Так вот о чём была вчерашняя история! Ты — бессмертный небожитель, познавший искусство бигу и более не нуждающийся в земной еде?

Доведённый до отчаяния Чэн Янь просто перестал отвечать. Видит небо, как тяжело ему было каждый день выслушивать рассказы этого дурачка о том, какую вкуснятину тот съел на завтрак или обед!

Чу Ван отошёл подальше от толпы и замер у воды, не сводя глаз с подвески. Прочие гости не обращали на него внимания.

Зато Чэн Янь заметил Дай Чигуаня. Тот стоял совсем рядом, но принц даже не взглянул в его сторону.

К этому времени почти все знали: новой страстью безумного юноши стал кусок нефрита. Он мог по полчаса стоять как вкопанный, вглядываясь в камень, и никто не мог понять, что же такого пленительного он в нём нашёл.

— Эй, императорский дядя! Позволишь взглянуть на твою подвеску?

Звонкий, капризный девичий голос раздался над самым ухом Чу Вана. Он поднял голову:

— Принцесса Хуаюй? И ты здесь!

Перед ним стояла девушка его лет — вторая дочь нынешнего императора, чьё высокомерие и вздорный нрав были известны всей столице. Она жадно уставилась на нефрит в руках Чу Вана:

— Дядя, дай мне посмотреть.

Хоть она и величала его императорским дядей, ни принцы, ни принцессы никогда не принимали Чу Вана в расчет, и в её голосе сквозило явное пренебрежение.

Принц покачал головой:

— Нельзя.

«Вдруг она тоже решит отобрать Господина Журавля?» — подумал он. Чу Ван ни за что на это не пошёл бы.

Лицо принцессы Хуаюй исказилось от гнева. Она привыкла считать дядю глупой игрушкой и, забыв о всяком приличии, внезапно протянула руку и рванула подвеску:

— А ну дай!

Обычно юноша крепко привязывал нефрит к поясу, но сегодня, в спешке, узел оказался непрочным, и подвеска осталась в руках девушки.

Драгоценный камень засиял в её тонких пальцах. Хуаюй с пренебрежением повертела его, словно обычную безделушку.

— Какой же ты жадный, дядя. Всего-то и хотела посмотреть.

Чу Ван вскочил, в его глазах вспыхнула отчаянная тревога:

— Верни сейчас же!

Мало кто осмеливался говорить с принцессой в таком тоне. Разгневанная, она выкрикнула:

— И не подумаю!

«Господин Журавль! — в панике взывал Чу Ван. — Господин Журавль!»

Но его зов канул в безмолвие. Всё случилось так, как и предупреждал дух: лишившись касания нефрита, юноша потерял связь со своим наставником.

Опасаясь, что принцесса может заметить что-то необычное, Чу Ван бросился к ней, пытаясь силой забрать свою ценность:

— Отдай! Это моё!

Хуаюй, испугавшись его напора, поспешно отступила и высоко подняла руку, уводя подвеску от его пальцев. Белый нефрит раскачивался на остатках шёлкового шнура, который принцесса зажала в кулаке. Казалось, журавль на камне вот-вот вскрикнет, пронзая небо своим призывным кличем.

Принц, чьи глаза покраснели от страха, не помня себя, рванулся вперёд.

Вокруг слышались испуганные возгласы. Со стороны могло показаться, что юноша и принцесса затеяли какую-то странную игру, но по их лицам было ясно: вспыхнула нешуточная ссора. Гости замерли в нерешительности, не зная, стоит ли вмешиваться.

Служанка принцессы истошно закричала:

— Госпожа, осторожнее! Не отклоняйтесь назад! Позади озеро!

Хуаюй и впрямь почти перевалилась через перила. Услышав крик служанки, она вдруг хитро улыбнулась и посмотрела прямо в глаза Чу Вану:

— Не видать тебе её!

С этими словами она разжала пальцы. Подвеска скользнула вниз и с тихим плеском исчезла в тёмных глубинах.

В то же мгновение над берегом разнёсся ещё более громкий крик.

Чу Ван выпустил принцессу, развернулся и, не раздумывая, бросился вслед за камнем прямо в воду озера.

<http://bllate.org/book/15870/1436556>